

АНДЖЕЛА ГАЛЛОП

самый востребованный криминалист Великобритании

УБИЙСТВА БЕЗ УЛИК

КАК КРИМИНАЛИСТЫ
РАСКРЫВАЮТ
ГРОМКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

18+

Призвание. Книги о тех, кто нашел свое дело в жизни

Анджела Галлоп

**Убийства без улик. Как
криминалисты раскрывают
громкие преступления**

«ЭКСМО»

2019

УДК 343.9
ББК 67.52

Галлоп А.

Убийства без улик. Как криминалисты раскрывают громкие преступления / А. Галлоп — «Эксмо», 2019 — (Призвание. Книги о тех, кто нашел свое дело в жизни)

ISBN 978-5-04-108869-9

Анджела Галлоп – самый востребованный в Великобритании судмедэксперт. Она работает с огромным количеством уголовных дел в разных странах по всему миру более 40 лет. Криминалистам требуется примерно тридцать минут для понимания того, что именно произошло на месте преступления. Работа начинается со сбора улик, проведения тестов и попыток понять мотивы убийства. Автор книги, Анджела Галлоп, самый востребованный судмедэксперт Великобритании, познакомит нас с ходом расследования резонансных британских дел. Среди них — дела принцессы Дианы и Йоркширского Потрошителя. После прочтения мы узнаем множество профессиональных секретов криминалистов, например, что за методики они используют для поиска доказательств и поимки убийц, на какие подсказки могут привести брызги крови на стене и о чем говорят повреждения на одежде. Факты о криминалистике: принцип каждого расследования в том, что «нельзя ничего с точностью предполагать», так как правда зачастую оказывается фантастичнее вымысла; определение группы крови преступника не дает 100-процентных оснований для обвинения конкретного человека. Этот анализ помогает только исключить из списка других подозреваемых; брызги крови на различных предметах и стенах дают представление о положении жертвы в момент нападения и количестве нанесенных ударов; на кровь влияет и место, куда она попала. Например, цинковое покрытие способствует ее скорейшему «старению», поэтому анализ может быть недостоверным; абсолютно любой наш контакт с чем-либо оставляет след. Но при расследовании не всегда очевидно, где его искать.

УДК 343.9

ББК 67.52

ISBN 978-5-04-108869-9

© Галлоп А., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Невыдуманные истории о том, что скрыто	7
Отзывы российских специалистов	9
Предисловие	10
1	11
2	16
3	20
4	23
5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анджела Галлоп

Убийства без улик. Как криминалисты раскрывают громкие преступления

Спасибо Джереми, Саймону и Мику за их неистощимый оптимизм и то, что они постоянно вдохновляли меня. Моим братьям, особенно Джонатану и Дэвиду, за непрерывную поддержку, воодушевление и яркие идеи. А также Дэвиду и Джине, которые сделали все это возможным.

Angela Gallop

WHEN THE DOGS DON'T BARK: A FORENSIC SCIENTIST'S SEARCH FOR THE TRUTH

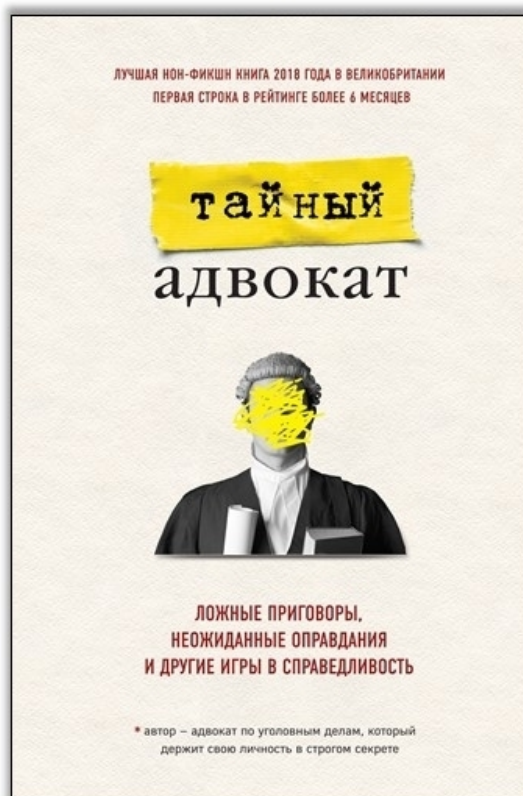
Copyright © Angela Gallop & Jane Smith 2019

First published in the English language by HODDER & STOUGHTON LIMITED

© Иван Чорный, перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Невыдуманные истории о том, что скрыто

Неестественные причины. Записки судмедэксперта: громкие убийства, ужасающие теракты и запутанные дела

Ричард Шеперд – ведущий судмедэксперт Великобритании, опыт работы более 40 лет, провел около 23 000 вскрытий. Каждое вскрытие – это отдельная детективная история, и автор с помощью проницательности разрешает головоломку, чтобы ответить на самый насущный вопрос: как этот человек умер? От серийного убийцы до стихийного бедствия, от "идеального убийства" до чудовищной случайности – доктор Шеперд всегда в погоне за истиной.

Когда дым застилает глаза: провокационные истории о своей любимой работе от сотрудника крематория

Юная девушка, окончив курсы для сотрудников погребальных бюро, устраивается работать в крематорий. Так она становится ближе к тому, что с огромнейшим интересом изучает – тема смерти и ритуалы погребения. Ее будни проходят совсем не так, как у большинства людей, что она с большой охотой и юмором описывает в своей книге. Описывая свой путь к этой профессии, она приводит кучу интересных фактов, например, сколько весит прах человека и можно ли чем-нибудь заразиться от трупа.

Тайный адвокат. Ложные приговоры, неожиданные оправдания и другие игры в справедливость

Правосудие часто кажется нам закрытым миром, связанным с повседневной жизнью, отдельными новостными репортажами и вымышленными сюжетами телепрограмм. Тайный адвокат хочет приоткрыть эту завесу, показать, как оно работает и, как это часто бывает, не работает. Здесь приведены правдивые истории из зала суда. Иногда они смешные, часто захватывающие, порой шокирующие. От преступников до адвокатов, а также жертв, свидетелей и стражей правопорядка – здесь вы встретите лучших и худших представителей человечества.

Звонок за ваш счет. История адвоката, который спасал от смертной казни тех, кому никто не верил

Получив престижное образование, молодой адвокат Брайан Стивенсон берется помогать осужденным на смертную казнь. Его подзащитные – бездомная девушка, которая случайно поджигает здание, подросток, застреливший сожителя матери после жестоких избиений, владелец лесопилки, у которого стопроцентное алиби, но черный цвет кожи и в прошлом внебрачная связь с белой женщиной. За их преступлениями стоят тяжелое детство, нищета, психические заболевания. Брайану предстоит тяжелая борьба за свободу и справедливость против равнодушной и зачастую жестокой машины правосудия.

Отзывы российских специалистов

Любители детективов найдут тут описания конкретных громких и резонансных уголовных дел; людей, имеющих отношение к правоохранительным органам, привлечет четко изложенная структура работы экспертно-криминалистической службы и полиции Великобритании, их взаимодействие и их сложности, которые местами очень схожи с таковыми в нашей стране.

Увлеченные криминалистикой найдут в книге описание различных методов, применяемых при исследовании биологических жидкостей, волос, одежды, различных частиц и многих других объектов, с которыми сталкивается криминалист в своей повседневной практике.

Наконец, люди сентиментальные найдут социальные сюжеты, рассказы об отношениях между людьми, жизненных проблемах и их решениях.

Когда человек увлечен своей профессией, отдается ей полностью и готов делиться своими знаниями с окружающими – всегда получается качественная, интересная книга. Это относится и к книге Анджелы Галлоп.

Алексей Решетун, судебно-медицинский эксперт, автор книги «Вскрытие покажет: Записки увлеченного судмедэксперта» и блога @mossudmed

Уголовные дела из практики, тернистый путь становления криминалиста, посвящение читателя в нелегкую, ответственную, но в то же время нереально интересную работу дает возможность каждому читателю полностью погрузиться в мир криминалистики, ощутить эмоции и переживания автора и даже оказаться на настоящих местах преступления. Эта книга могла бы стать хорошим остросюжетным сериалом, основанным на реальных событиях.

Карина Рытова, судебно-медицинский эксперт, автор блога @coroner_rytova

Предисловие

Когда морозной ночью в феврале 1978 года я добралась до лесного склада в Хаддерсфилде, тело 18-летней жертвы уже забрали в морг. К этому времени я проработала в экспертно-криминалистической службе всего три с небольшим года, но на месте преступления оказалась впервые. Мне хотелось впечатлить начальника своими знаниями и проницательностью, но в то же время я очень боялась упустить что-либо, что могло бы помочь полиции Западного Йоркшира вычислить убийцу.

Кроме того, я переживала, что могу – в буквальном смысле слова – ударить в грязь лицом. Поскольку прежде я никогда не была на месте преступления, у меня не было соответствующего снаряжения – водонепроницаемых штанов, куртки с капюшоном и сапог, которые имелись у более опытных коллег. Мне пришлось надеть одежду, завалявшуюся в багажнике у шефа. Проблема была в том, что Рон Ауттеридж был довольно крупным мужчиной с сорок пятым размером ноги. Непросто было выглядеть уверенным в себе профессионалом, с трудом волоча ноги в его ботфортах и удерживая складки огромной куртки, болтавшиеся у моих икр.

Невозможно подготовиться к первому посещению места преступления, особенно если там произошла насильственная смерть, что в моей сфере деятельности не редкость, однако времени предаваться самоанализу не было. Прежде всего я должна была понять, что могло произойти всего несколькими часами ранее в морозной тьме этого лесного склада. Я принялась искать следы, которые мог оставить преступник, – например, фрагменты одежды, зацепившиеся за бревна волосы, отпечатки подошвы или автомобильных шин. Я понимала, как важно скорее найти хоть что-нибудь, что может помочь полиции установить личность убийцы Хелен Ритка – были все основания полагать, что она стала очередной жертвой Йоркширского потрошителя.

1

Неподходящая работа для женщины

Мой брат Джонатан настаивает, что я начала интересоваться миром преступности, когда мне было девять. Наш отец частенько покупал по моей просьбе свежие выпуски газет News of the World и Sunday People. Преступления, о которых я читала в этих изданиях, действительно восхищали. Каждое воскресное утро я ходила с отцом к газетному киоску, а позже – с Джонатаном, став достаточно взрослой, чтобы доехать до киоска вместе с ним. Честно говоря, шоколадные батончики интересовали меня больше, чем газеты, и криминалистом я стала чисто случайно.

Думаю, с раннего возраста я знала, что хочу заниматься какой-нибудь наукой. Мечта эта была довольно расплывчатая, частично подпитываемая всевозможными химическими экспериментами, которые я проводила с помощью лабораторного набора на чердаке нашего дома в пригороде Оксфорда. Но эта мечта могла так никогда и не воплотиться в жизнь, если бы мне не удалось удовлетворительно сдать экзамены и с трудом попасть в старшие классы¹, где я полюбила ботанику.

Я росла вместе с Джонатаном и Дэвидом, двумя из пяти братьев, которые ближе всего мне по возрасту, и привыкла к тому, что вокруг всегда люди – это было в радость. На самом деле мои далеко не блестящие академические успехи вплоть до 16 лет обусловлены по большей части тем, что в школе я сильно отвлекалась на социальную сторону жизни.

Мою учебу в Хедингтонской школе оплачивала щедрая двоюродная бабушка. У меня не было практически никакого интереса к тому, чему там учили, и я редко усердствовала с выполнением домашних заданий, пока не начала подготовку к выпускным экзаменам повышенной сложности². Отчеты о моей успеваемости в школе обычно содержали ту или иную вариацию фразы «если бы Анджела немного больше старалась». Так что, не оказись рядом мистера Томпсона, моего блестящего учителя ботаники, не достучись он до чего-то в глубине моей души, зародив желание усердно заниматься, быть может, я толком в жизни и не преуспела бы. Ученым бы точно не стала. Как бы то ни было, я сдала все выпускные экзамены – по химии, зоологии и ботанике – и продолжила изучать ботанику в университете Шеффилда.

После получения диплома мне предложили остаться в Шеффилде и поступить в аспирантуру, но у меня на носу была свадьба, и я отказалась от этой возможности и переехала на юг вместе с новоиспеченным мужем Питером Галлопом. Проработав какое-то время лаборантом в Оксфордском университете, я перевелась в аспирантуру и сосредоточилась на изучении морских огурцов.

Я заинтересовалась морскими огурцами по той же причине, по которой меня завораживали растения вообще, – они невероятным образом устроены. Если разложить все по полочкам, весьма впечатляет, как представители флоры впитывают корнями воду и минералы из почвы и переправляют их в листву, где с помощью зеленых органелл (хлоропластов) преобразуют солнечную энергию и углекислый газ для производства пищи, обеспечивающей их цветение и рост. Морские огурцы также используют хлоропласты – они высасывают их из опре-

¹ Система школьного образования в Великобритании: обязательное среднее школьное образование продолжается до 16 лет – аналог наших 5–9-х классов, после чего учащиеся сдают обязательные экзамены, по результатам которых могут продолжить обучение еще два года (аналог 10–11-х классов в России), в течение которых подростки готовятся к экзаменам повышенной сложности по выбранным профильным предметам с целью последующего поступления в вуз. Альтернативный сценарий – окончить школу и пойти работать.

² То есть пока не перешла в старшие классы – последние два года обучения, с 16 до 18 лет, аналог 10–11-го классов в России.

деленного вида водорослей для создания собственного внутреннего сахарного завода. Грант на свою работу я получила по весьма претенциозному основанию: эти самые морские огурцы могут стать решением продовольственного кризиса для стран третьего мира. Следующие три года я провела множество счастливых дней на пляже Бембриджа на острове Уайт, а мой крохотный «Фиат 500» был забит громоздкими контейнерами с морской водой и водорослями: эти удивительные маленькие создания уезжали со мной в Оксфорд.

Однако во время написания диссертации я осознала три вещи: работа, которой я занималась, вряд ли когда-либо смогла бы решить проблему мирового голода; я вряд ли найду работу, как и те шесть-семь человек со всего света, кому хоть сколько-то интересно то, что и мне; к тому же я хотела заняться на самом деле чем-то более практичным, что могло бы принести пользу большему количеству людей прямо сейчас.

В то время мы с друзьями довольно часто обсуждали, что собираемся делать дальше со своими жизнями. Однажды летом 1974 года, когда я была в библиотеке, мой хороший друг Стюарт Миллиган протянул мне газету со словами: «Кажется, это может тебя заинтересовать, Анджела». Шариковой ручкой он обвел объявление о вакансии в экспертно-криминалистической службе (ЭКС) МВД Великобритании. Криминалистика как наука никогда не была в поле моих интересов, но явно попадала в категорию прикладных, поэтому я решила: стоит попробовать. Впрочем, первым делом я решила поговорить со своим руководителем, профессором Дэвидом Смитом. Он был блестящим ученым, прекрасным другом и советчиком, который сказал мне: «На такую должность будет много претендентов. Обязательно попробуй, но не возлагай больших надежд на то, что у тебя получится».

Мой муж совсем недавно решил переучиться на солиситора³. Нам нужно было оплачивать счета, а других вариантов особо не было, поэтому я отправила резюме и, к удивлению, была приглашена на собеседование.

Я понимала: придется изрядно постараться, чтобы убедить того, кто будет со мной беседовать, что я смогу перейти от морских огурцов к миру уголовной преступности, и впоследствии ругала себя за то, что недостаточно тщательно продумала, какие вопросы могут быть заданы. Позаботься я об этом, мне бы не пришлось ломать голову над умными ответами на вопросы вроде: «Какие следы вы стали бы искать на грузовике, на котором транспортировали краденое?» К тому времени я накопила немало научных знаний, однако ничего из этого, казалось, не могло мне помочь, пока я с трудом придумывала, что бы такое ответить, чтобы это звучало вразумительно. К счастью, мои ответы на вопросы, должно быть, дали понять, что со мной не все потеряно. Вскоре после собеседования я получила письмо с предложением работы в качестве криминалиста.

Мне предложили выбрать одно из восьми учреждений ЭКС в стране, где я хочу служить. Поскольку Питер учился в юридическом колледже, после окончания которого мы могли жить практически где угодно, было не особо важно местоположение работы. Так я выбрала лабораторию в Харрогейте – неподалеку от Шеффилда, где прошли мои радостные студенческие годы. Там и прошел **мой первый рабочий день 24 октября 1974 года**.

Боясь опоздать, я явилась слишком рано, что мне вовсе не свойственно. Я приехала к внушительному зданию в пригороде, утопающем в зелени. К счастью, кто-то решил приступить к делам еще раньше. Меня тепло встретили и отвели в лабораторию ждать коллег.

Когда я зашла в помещение, первым делом мне бросилась в глаза натянутая в одном из углов пустой комнаты бельевая веревка, на которой была развешана одежда с пятнами крови. Усевшись на стул, я заметила на безупречно чистых поверхностях лабораторных скамей красно-коричневые пятна – выглядело это довольно зловеще. Только я начала раздумы-

³ Категория адвокатов в Великобритании, ведущих подготовку судебных материалов для ведения дел барристерами – адвокатами высшего ранга.

вать, что же за чертовщина могла тут произойти, как дверь открылась, и начались мои будни в криминалистике.

Спустя два часа меня познакомили с таким количеством людей и объяснили столько всевозможных тестов и методик, что голова шла крутом. Одним из тех, с кем я встретила в тот день и с кем у меня состоялся довольно странный разговор, был директор лаборатории доктор Иэн Барклай. Помню, как его требование «при описании вещественных доказательств указывать объем в чайных ложках» показалось мне противоречащим научному подходу. Впрочем, позже все встало на свои места: он объяснил, что «так обывателю проще понять количественную оценку вещдоков». Этот совет не раз мне пригодился, когда я начала давать показания в суде и поняла, что присяжным и другим людям без технического образования не всегда просто представить объем, выраженный в миллилитрах. Вообще доктор Барклай был весьма интересной личностью. Дело настолько поглощало его, что он почти не отдыхал. Как мы любили говорить, догадаться о том, что доктор Барклай должен быть в отпуске, можно только по сандалиям, в которых он в таком случае приходил на работу.

Обилие новой информации в первый же день немного пугало, но меня заверили, что работа покажется мне по-настоящему интересной, и люди, с которыми предстоит трудиться, чрезвычайно дружелюбны. Омрачало это лишь осознание того, что мой непосредственный руководитель Рон Ауттеридж не особо радовался появлению в своей группе женщины.

Конечно, я не была единственной женщиной в коллективе ЭКС, но единственной из тех, кому предстояло стать так называемым отчитывающимся сотрудником, чья работа заключалась в посещении мест преступлений, написании отчетов для полиции и адвокатов обвинения, а также даче показаний в суде, когда возникала необходимость. Тот факт, что мне предстояло стать единственной женщиной в этой роли, сегодня кажется чем-то невероятным, как из соображений гендерного равенства, так и с учетом того, что теперь в криминалистике дам больше, чем мужчин. Тогда же все было иначе. Тем не менее я отшатнулась, когда мой новый начальник чуть ли не первым делом сказал мне: «Я знаю, тебя взяли, чтобы ты потом стала отчитывающимся сотрудником, но ты должна понимать: я считаю, что женщины не должны делать заключения по уголовным делам. Это неподходящая для женщин работа. Называй меня старомодным, если хочешь, однако я считаю, что женщине место дома – буквально у раковины на кухне».

Да, не самое многообещающее начало для профессиональных отношений, на которое я могла рассчитывать. Эпоха, как я уже говорила, была другая. Кажется, я на это ничего не ответила. И хотя в первые месяцы отношение Рона ко мне было ужасным, вскоре я поняла, что он никому не дает спуска. Несмотря на постоянно серьезное выражение лица, которое, казалось, подчеркивало его грубые черты, глаза обычно горели огоньком, и не все его слова следовало воспринимать всерьез. Облегчением было осознать, что его женоненавистническая резкость была уравновешена отношением коллег – их духом товарищества, приветливостью и поддержкой.

Здание ЭКС в Харрогейте оказалось бывшим домом матери актера Майкла Ренни, сыгравшего Гарри Лайма в популярном телесериале 1960-х годов «Третий человек». Главная биологическая лаборатория была сооружена путем объединения нескольких комнат на втором этаже. Там в сохранившихся мраморных раковинах мы проводили анализы для определения группы крови. Помню и ванную комнату, где проводили более сложные химические анализы. В оранжерее мы выращивали коноплю – спешу добавить: исключительно для оценки урожайности. Что касается нескольких конюшен, там мы устроили стрельбища. Бог знает, что думали обо всем этом наши соседи, ведь это был тихий и добропорядочный жилой район. Возможно, постоянное присутствие полицейских машин, которые что-то привозили, внушало людям уверенность, что все в порядке. А может, и нет.

Несколько дней я путалась под ногами у опытных криминалистов, наблюдая за их работой и обучаясь, а потом мне наконец дали на изучение первое вещественное доказательство. Это было ужасное дело, в котором фигурировал мужчина, судя по всему, голыми руками убивший жену и ее собаку. Ему показалось, что домашними овладели злые духи. Мне вручили виниловую сумку в пятнах крови, найденную рядом с телом женщины.

Как и все вещественные доказательства, предоставляемые полицией для изучения, эта сумка находилась в коричневом бумажном пакете, заклеенном сверху скотчем. К пакету был прикреплен ярлык со следующими данными: наименование вещественного доказательства, назначенный индивидуальный идентификационный номер, имя и фамилия сотрудника, забравшего его с места преступления, а также точное время и место, когда это было сделано. После того как я набралась какого-то опыта в ЭКС, мне разрешили исследовать вещественные доказательства с помощью клейкой ленты: нужно было пройтись по всей поверхности предмета, а затем рассмотреть ее под микроскопом – искать волосы и волокна ткани, зачастую слишком маленькие, чтобы заметить их невооруженным глазом. В тот первый раз меня попросили только описать сумку и ее содержимое, сделать отметки о любых повреждениях, пятнах или других следах и зарисовать ее со всех ракурсов (помню, как сожалела, что не уделяла больше времени урокам рисования в школе!).

На дворе был конец сентября, в лаборатории работало отопление, а благодаря светящему сквозь окна солнцу температура поднималась еще выше. Когда я открыла сумку, меня чуть не сбил с ног приторно-сладкий запах горячего винила, засохшей крови и гниющего яблока. Будучи помощником ассистента криминалиста, который отчитывался по этому делу, я понимала, что мне не дали бы изучать сумку самостоятельно, имей она большое значение для расследования. Тем не менее я была в ужасе от того, что попало мне в руки. Помню, как подумала, резко отвернувшись от вещдока: «Это ужасно. Хочу ли я на самом деле посвятить этому жизнь?»

Зачастую мы не знали, чем закончились дела, с которыми работали, – судебный процесс порой начинался спустя месяцы, а то и годы после того, как мы заканчивали расследование. Однако мне известно, что подозреваемого по этому делу признали виновным в убийстве своей жены на почве безумия и заключили в психиатрическую больницу строгого режима.

Когда я переехала в Харрогейт, чтобы начать работу в ЭКС, мой муж находился в юридическом колледже в Честере, и первые несколько недель я провела множество вечеров в одиночестве, сидя в арендованной квартире за работой над докторской диссертацией. Кроме того, я раздумывала над тем, правильный ли сделала выбор. Мне было 24, когда я начала работать в ЭКС. Хотя, вероятно, в любом возрасте слишком рано узнавать, что может сделать один человек с другим голыми руками. Вечером того дня, когда мне принесли пакет с сумкой, я все спрашивала себя, правильно ли поступила. Неужели мне действительно хотелось забросить увлекательное изучение безобидных находчивых морских огурцов, чтобы часами напролет сидеть в душной гнетущей лаборатории, рассматривая окровавленные личные вещи жертв жестоких убийств? Ответить на этот вопрос было еще сложнее из-за того, что я не могла развеять сомнения, поделившись ими с коллегами, – во всяком случае, мне это казалось неуместным. Таким образом, рядом не было никого, кто мог бы помочь мне во всем разобраться.

Кстати, относительно коллег я ошибалась. Я была не единственной, кто пытался понять, стоит ли отдать всю жизнь криминалистике. Не знаю, было ли пренебрежительное отношение Рона Ауттериджа срежиссированной частью процесса естественного отбора, чтобы в деле остались только те, кто готов ко всем трудностям, однако эффект определенно был именно таким. Несколько человек, нанятых в качестве помощников – как мужчин, так и женщин, – ушли спустя всего две недели работы в штате ЭКС. В конечном счете я оказалась одной из тех, кто выстоял, и через полгода отношение Рона ко мне внезапно изменилось. Казалось, с этого момента он полностью меня принял и всячески поддерживал. Когда несколько лет спустя я

спросила его обо всем этом, он сказал, что считал меня боевой подругой. Как я поняла, нужно было воспринять это как комплимент.

Первое время в ЭКС я по большей части занималась относительно простыми **сексуальными преступлениями**. Как правило, от меня требовалось взять несколько мазков из гениталий жертвы или подозреваемого, ну и, может быть, изучить чьи-то трусики. Полагаю, эти дела доставались мне потому, что обычно считались несложными, но на практике интерпретация результатов проведенных анализов зачастую была совсем не легкой задачей.

Кстати, кроваво-красные пятна, которые я заметила на лабораторных столах в свое первое утро, были связаны с реагентом, используемым для выявления следов спермы. Это вещество мы распыляли в открытой лаборатории, пока не было установлено, что оно обладает сильным канцерогенным действием. После того как это выяснилось, его разрешили применять исключительно в вытяжном шкафу, с предварительно надетой маской, перчатками и прочей защитной экипировкой. Сушить вещи – в кровавых пятнах или чем-то другом – в открытой лаборатории мы в итоге тоже перестали, когда стали лучше понимать потенциальные риски для здоровья. Как и во всех остальных областях криминалистики, **за последние 45 лет мы стали гораздо больше знать о проблемах, связанных с охраной труда и техникой безопасности.**

2

Йоркширский потрошитель

После появления лабораторий в Харрогейте и Ньюкасле в 1977 году я перевелась в новую лабораторию ЭКС, организованную в Уэтерби, где мы работали совместно с полицией Нортумбрия, Дарема, Кливленда, Хамберсайда, Западного, Северного и Южного Йоркшира. Несколько месяцев спустя меня повысили до старшего эксперта-криминалиста, и я начала посещать места преступлений.

В 1970-х не было ДНК-экспертизы, а по группе крови точно идентифицировать человека куда сложнее, поэтому в качестве доказательства она использовалась лишь в определенных случаях.

Таким образом, расследование во многом основывалось на изучении отпечатков пальцев, которые – так сложилось исторически – обычно снимали полицейские, а также на других уликах и инструментах из базового арсенала криминалиста. Среди них – волосы и волокна ткани, фрагменты краски и стекла, следы от обуви и техники, запрещенные наркотические вещества и яды, их следы в жидкостях и на тканях тела, баллистическая экспертиза⁴, сравнение почерка.

На своем первом месте преступления, на лесном складе в Хаддерсфилде, той самой морозной февральской ночью 1978 года я искала все, что могло бы подсказать, что именно здесь случилось, либо помочь идентифицировать убийцу. Отпечатки шин, обуви или, например, следы волочения; любые фрагменты одежды, волосы, следы спермы, использованный презерватив или сигаретный окурок.

К моменту, когда мы с начальником прибыли на место, полиция уже провела там какое-то время. Сориентировавшись, мы приняли участие в поиске улик, а затем отправились в морг осмотреть тело жертвы. Ее уже опознали. Это была 18-летняя Хелен Ритка. Прежде я никогда не видела трупов, поэтому нервничала по поводу своей возможной инстинктивной реакции. Когда я зашла в ярко освещенное помещение с вычищенными стальными столами, мне в нос ударил специфический запах дезинфицирующего средства и других реагентов.

В то время мы везде ходили в повседневной одежде: лишь какое-то время спустя выдавать каждому халаты, как в больнице, стало общепринятой практикой – по крайней мере, в некоторых лабораториях. Тот вечер стал первым из многих, когда я приходила домой после посещения морга, стягивала с себя одежду и сразу бросала ее в стиральную машину, чтобы избавиться от этого запаха.

После смерти кровь под действием силы тяжести скапливается в нижней части тела, а верхняя его часть оказывается обескровленной. Зная это, я не была удивлена восковой бледностью кожи Хелен Ритка, которая придавала ей сюрреалистичный вид. Меня удивило другое: я не ожидала, что человек, столь жестоко убитый, будет выглядеть таким умиротворенным. Возможно, дело было в многочисленных романах Агаты Кристи, прочитанных мной в юности: я представляла, что все жертвы будут выглядеть измученными или удивленными, чего по медицинским причинам на самом деле никогда не наблюдается.

Хелен явно была привлекательной девушкой, и именно осознание ее реальности, того, что она была чьей-то дочерью, сестрой, другом, позволило мне сосредоточиться на работе. Обсудив с судмедэкспертом, выполнившим вскрытие, случившееся с ней, я принялась наблюдать, как он детально рассматривает ее раны, чтобы попытаться понять, оружием какого типа и размера они были нанесены. Затем я помогла собрать с поверхности тела все твердые частицы,

⁴ Разновидность экспертного анализа, направленного на обследование огнестрельного оружия и следов его использования.

которые могли остаться от нападавшего, и стала искать любые следы, потенциально полезные для следствия.

К моменту обнаружения тела Хелен Ритка полиция подозревала Йоркширского потрошителя в убийстве других женщин, главным образом в районе Лидса, Брэдфорда, Галифакса и их пригородах, а также в жестоком нападении еще на нескольких, которых он оставил со смертельно опасными ранениями. Раны Хелен определенно соответствовали его почерку: он бил своих жертв по голове, порой несколько раз и, как правило, молотком, затем многократно вонзал в них нож или что-то вроде отвертки.

Вскоре после смерти Хелен помощник главного констебля полиции Западного Йоркшира получил ряд писем и аудиозапись от человека, объявившего себя Йоркширским потрошителем. Полиция испытывала постоянно растущее давление: нужно было как можно скорее найти серийного убийцу, который теперь их еще и дразнил. Вместе с тем никаких других явных зацепок у полиции не было. Почти три года расследование находилось в тупике, в то время как Йоркширский потрошитель брал на себя ответственность за новые жертвы.

На самом деле в течение этих трех лет полиция неоднократно допрашивала настоящего убийцу, однако он не подходил под описание разыскиваемого человека – мужчины с сандерлендским акцентом⁵. Акцент был у человека, отправлявшего аудиозаписи, который, как оказалось в итоге, водил полицию за нос, тогда как подлинного преступника ни в чем не заподозрили.

Через 14 месяцев после убийства Хелен Ритка я побывала на втором месте преступления Йоркширского потрошителя. Тело очередной девушки было найдено в парке Галифакса. На 19-летнюю Джозефину Уиттакер напали, когда она поздно вечером возвращалась домой. К тому времени, когда ее тело обнаружили, было уже светло – наступило утро. Первым делом меня поразило следующее: открытая поляна, которая была на виду у любого, кто проходил через парк, казалась не совсем подходящим местом для нападения и убийства даже в темное время суток.

В последующие годы работы помимо прочего мне предстояло усвоить, насколько важно максимально тщательно осмотреть место преступления. Отчетливо представив вероятную очередность событий, можно понять, какие возможности с точки зрения криминалистики у тебя имеются, и разработать наиболее эффективную стратегию для проведения анализа. В тот раз решили вернуться на это место ночью. Встав на границе парка, мы рассматривали место преступления оттуда, после чего стало понятно: при включенных вокруг поляны фонарях ее центр был практически в полной темноте. Таким образом, для всех, кто находился за пределами ее условной окружности, создавался зрительный барьер. Однако убийца Джозефины определенно пошел на огромный риск, напав на нее на открытой местности. Возможно, это решение было спонтанным. Либо же, если убийцей все-таки был Йоркширский потрошитель, как подозревала полиция, возможно, он начал чувствовать себя неуловимым.

В 1970-х не было компьютеров или цифровых баз данных, которые могли бы помочь полиции Западного Йоркшира в поиске подозреваемых. Все, что могли полицейские, – это проверять любую зацепку, находить новые – например, фиксировать модели и номера автомобилей, замеченных возле мест преступлений, – и записывать всю полученную информацию на пронумерованные карточки с перекрестными ссылками. В ходе этого процесса создавалось огромное, практически неподъемное количество документации. Полиция была решительно настроена расследовать любую зацепку. Из-за этого мы и оказались однажды в странном доме в пригороде Йорка.

Подозрения вызвал мужчина, открывший дверь женщине-коммивояжеру, будучи одетым в бюстгальтер, натянутый поверх футболки. И хотя узкий дом, который мы с коллегами посе-

⁵ Диалект английского языка.

тили, и выглядел совершенно непримечательным снаружи, внутри мы нашли признаки крайне странной деятельности.

Согласно отчету полиции, у убийцы были ожоги специфической формы на обеих сторонах лица и между ногами. А с огнем в этом доме было связано очень многое. Во-первых, нашлось необычайно много спичечных коробков и зажигалок. Во-вторых, арка под потолком была местами обуглена. Далее: в коридоре стояла бочка с растворителем, из которой торчали большие деревянные палки с намотанными на один из концов колготками. На стенах висели картины с изображением горящих или собравшихся вокруг погребального костра людей, причем некоторые из них держали похожие факелы. В запертой комнате были обнаружены женская ночная рубашка и штаны в индийском стиле с пятнами спермы. **Здесь явно творилось что-то странное – это впечатление усиливалось тем, что по всему дому попадались миски с пропитанными кровью тряпками.**

К тому времени я проработала в ЭКС уже почти пять лет, практически каждый день набираясь бесценного опыта и узнавая что-то новое. Я знала, что один из основополагающих принципов любого расследования гласит: «Нельзя ничего предполагать», поскольку правда зачастую оказывается фантастичнее вымысла. В этом конкретном случае мы получили наглядную иллюстрацию и понимали: каким бы потенциально инкриминирующим (обвиняющим) ни казалось увиденное нами в этом доме, этот мужчина явно не был разыскиваемым полицией подозреваемым. Хозяин просто имел нездоровое пристрастие надевать парик с шароварами, а затем поджигать себя. Что касается окровавленных тряпок, он прикладывал их к деснам – за день до этого мужчина удалил все зубы.

Это было первое из множества жилищ сумасшедших, которые мне предстояло увидеть в следующие 40 лет. Пожалуй, чуть ли не более нелепой, чем весь связанный с огнем материал, была оставленная женой этого мужчины прощальная записка, гласившая: «С меня достаточно. Я ухожу от тебя. Ты должен мне три шиллинга и четыре пенса». Думаю, с учетом обстоятельств я бы такой долг простила!

Не думаю, что кто-то из нас действительно рассчитывал обнаружить в этом доме что-либо, связанное с Йоркширским потрошителем, – орудие убийства, например, или одежду с пятнами крови. Ничего не указывало на то, что мужчина со столь специфическим фетишем был серийным убийцей. На самом деле не было повода сделать вывод, что он вообще совершил какое-либо преступление, за исключением разве что того, что он подвергал риску жизнь и имущество своих соседей каждый раз, когда подносил спичку к одному из самодельных факелов.

Вернувшись в лабораторию, мы стали усиленно искать связь между всеми совершенными Потрошителем преступлениями. Мы выискивали любые характерные следы, которые могли быть оставлены убийцей. С образцов, взятых с помощью клейкой ленты с тел и одежды жертв, мы собрали сотни тысяч отдельных микроскопических волокон ткани и систематически сравнивали их между собой различными способами в поисках сходства волокон, найденных у разных жертв. Одна из методик сравнения была относительно новой. В то время она называлась микроспектрофотометрией (МСФ). Путем освещения небольших предметов светом с различной длиной волны – отдельных волокон ткани в данном случае – составлялся график, дающий объективное представление об их цвете. Конечно, полученную картину нужно было тщательно проанализировать.

Работа была в полном разгаре к концу следующего года, когда после смерти еще трех женщин к поиску Йоркширского потрошителя подключили Рона Ауттериджа. К тому времени Рон был директором лаборатории ЭКС в Ноттингеме, а в качестве своего помощника выбрал криминалиста по имени Рассел Стокдейл, впоследствии сыгравшего значительную роль в моей жизни.

Расположившись в штаб-квартире полиции в Бредфорде, Рон и Рассел взялись за систематический анализ всех мест преступления Потрошителя и деятельности полиции и крими-

налистов. Они сопоставили важнейшую информацию по таким основным моментам, как возможное орудие убийства, описания нападавшего выжившими жертвами, а также все улики по каждому из дел, например следы спермы, отпечатки подошвы и шин. Затем они **составили два списка: в первом было перечислено «все, что мы знаем о Потрошителе», а во втором – «все, что мы, как нам кажется, знаем о Потрошителе»**. Помимо того, что это помогло немного привести в порядок всю документацию, которой было завалено расследование, из-за чего было сложно «увидеть лес за деревьями», они помогли таким образом найти новые линии ведения дела.

Параллельно с этим Стюарт Кайнд – в то время директор Научно-исследовательского центра ЭКС – задумался о применении одной методики, с которой он познакомился во время войны, занимаясь системами наведения для ВВС Великобритании. Прежде всего он составил диаграмму с использованием данных о месте и времени всех убийств и нападений – насколько они были известны, – к которым, как тогда считалось, был причастен неуловимый серийный убийца. Затем Кайнд рассмотрел такие факторы, как необходимость для убийцы как можно быстрее добраться до убежища после каждого нападения. **Чем раньше происходило нападение, тем дальше, скорее всего, его место было от дома преступника.**

С помощью этой методики, получившей позже название «Географическая экспертиза», Стюарт пришел к заключению, что разыскиваемый мужчина жил где-то между городами Маннингем и Бингли, в районе Бадфорд-сити. Это заключение стало как минимум одним из факторов, в связи с которыми полиция решила сосредоточиться именно на этом районе вместо того, к которому их привели полученные письма и аудиозаписи. Какое-то время спустя в результате отличной работы внимательных полицейских в Бадфорде был арестован 30-летний водитель грузовика по имени Питер Сатклифф.

Потратив столько времени в отчаянных попытках найти какие-либо улики, полезные для идентификации Йоркширского потрошителя, нам с коллегами не терпелось узнать, каким же был Сатклифф. Некоторые из нас поступили весьма неожиданно и отправились в Лондон, чтобы понаблюдать за судебным процессом. Думаю, все мы были немного удивлены, насколько непримечательным Сатклифф выглядел для человека, все это время внушавшего такой ужас всему северу Англии. Подозреваю, впечатление было бы совершенно иным, повстречайся он нам где-нибудь в темном переулке, а не на скамье подсудимых. До его поимки каждый раз, когда приходилось в одиночку ехать ночью через Лидс после посещения места преступления или какого-то мероприятия, я неизменно испытывала облегчение, выезжая на открытую местность, откуда до дома оставалось рукой подать.

В мае 1981 года, будучи признанным виновным в убийстве 13 женщин и попытке убийства еще семи, Питер Сатклифф был приговорен к минимальному сроку в 30 лет тюремного заключения.

По случайному совпадению примерно 30 лет спустя я стала сотрудничать с очень талантливым полицейским по имени Крис Грегг. Он вступил в ряды полиции Западного Йоркшира в 1974 году, когда я начала работать в ЭКС. Его первым местом преступления, куда он отправился, тоже стал лесной склад, на котором убили Хелен Ритка. И именно Крис, ставший к тому времени руководителем уголовного розыска Западного Йоркшира, в итоге вычислил человека, водившего за нос полицию своими письмами и аудиозаписями. Им оказался Джон Хамбл, он же Версайдский Джек. В 2006 году, будучи найденным с помощью ДНК-экспертизы, Хамбл был приговорен к восьми годам тюрьмы за препятствие правосудию.

3

Необъяснимое поведение

Помимо изучения самой криминалистики я многое узнавала и о людях вообще, о том, насколько странно они могут себя вести. Мир преступности, пожалуй, всегда связан с теми или иными эмоциями. За некоторыми из самых ужасных преступлений, с которыми мне доводилось работать, стояли злость, зависть или жадность, зачастую обостренные алкоголем, наличием или отсутствием денег. Вместе с тем никак не укладывалось в голове, что могло подтолкнуть человека на преступление, ставшее моим самым леденящим душу делом.

Субботним вечером в феврале 1980 года в одном городе графства Хамберсайд прохожий обнаружил на пешеходной дорожке тело мужчины 30 с лишним лет. После осмотра, проведенного на месте профессором Аланом Ушером, одним из ведущих судмедэкспертов МВД Великобритании того времени, труп был доставлен в морг для проведения вскрытия.

Вскрытие показало, что мужчина получил по меньшей мере 13 ударов ножом как спереди, так и сзади, в результате, как изначально казалось, продолжительного нападения. Частично ранения были относительно поверхностными, частично – получены в результате попыток жертвы защититься. Как минимум четыре ранения были тяжелыми, приведшими к повреждениям шеи, спины и живота, а одно, рядом с мошонкой, было предположительно нанесено, когда жертва лежала на земле – вероятно, уже после смерти. Согласно результатам вскрытия, в качестве оружия мог быть использован большой складной нож, найденный полицией у одного из двух арестованных подозреваемых.

Полиция сняла с тела часы, пропитанную кровью одежду и другие предметы, передав их в лабораторию ЭКС в Уэтерби, где я тогда работала. Особый же интерес представляли показания двух подозреваемых, которых я буду называть Дэниэлем и Дэвидом (*имена изменены*).

По словам Дэниэля, тем вечером они выпивали в баре и рассуждали, где бы им раздобыть денег, и тут Дэвид предложил «кокнуть и ограбить какого-нибудь таксиста». Затем они покинули заведение, и по дороге в другой бар Дэвид напал на улице на незнакомца, а Дэниэль убежал. Догнав Дэниэля, Дэвид сказал, что убил человека, и передал приятелю нож, который тот спрятал в одной из своих перчаток.

В ходе разговора, состоявшегося между ними во втором баре, Дэвид сказал, что теперь очередь Дэниэля сделать что-то подобное, чтобы у него «не было ничего» на своего друга.

«Не помню, что именно творилось в тот момент у меня в голове, – сообщил Дэниэль в своих показаниях полиции по поводу нападения на пожилого мужчину, встретившегося им, когда они вышли из бара. – Это было словно в дурном сне. Инстинктивно, с ножом в правой руке, я ударил его в горло... Нож лишь поцарапал ему кожу, особо не навредив... Я посмотрел ему в глаза, сделав вид, словно и не прикасался к нему... Он сказал, что он всего лишь старый пенсионер. От этого мне стало еще больше не по себе. Думаю, второй удар я нанес больше из отвращения к самому себе... Мне хотелось поскорее убраться от него подальше...»

Что бы там ни случилось на самом деле, на этом нападение закончилось, и, в отличие от первой жертвы, пожилой мужчина выжил. Закопав нож, который Дэвид позже выкопал и выбросил в пруд, парни разошлись по домам.

Дэвид дал практически такие же показания, но заявил, что во время беседы в первом питейном заведении они рассуждали о том, способны ли они на убийство. Затем оба решили той ночью убить случайного прохожего, просто чтобы понять, хватит ли им духа. Кроме того, по его словам, именно он испугался и отговорил Дэниэля от убийства таксиста. Он признался, что ударил ножом первого мужчину, который умер на улице, сказав, что пнул человека по голове, когда тот пытался подняться на ноги.

Это произошло почти 40 лет назад, и у меня нет доступа к рабочим записям по тому делу. Помимо прочего задача криминалиста заключается в поиске любых доказательств в подтверждение той или иной версии. Мы изучили одежду первой жертвы и найденный полицией нож, установив тем самым, как мне кажется, связь между подозреваемыми и трупом. Мне неизвестно, что стало с Дэниэлем, но Дэвид был приговорен к пожизненному заключению за совершенно бессмысленное убийство человека, оказавшегося не в то время не в том месте, совершенное просто ради того, чтобы понять, каково это.

Свидетелем эмоциональной отрешенности уже другого рода я оказалась в ходе расследования подозрительной смерти маленького ребенка в рабочем поселке в Западном Йоркшире. Полиция подозревала, что ребенка несколько раз ударили головой о спинку кровати, поэтому, прибыв с коллегами в дом для проведения расследования, я ожидала увидеть безутешную мать. На деле же она выглядела весьма жизнерадостной и все время, что мы там находились, сидела перед телевизором и смотрела сериал «Династия». Один раз она ненадолго отвлеклась от экрана, чтобы предложить нам чаю, от которого мы отказались по профессиональным причинам, а также из-за того, что стены дома были измазаны собачьими экскрементами. Полагаю, «Династия» помогала ей сбежать от действительности. Тем не менее казалось странным, что она явно никак не сравнивала происходящее на экране со своей текущей ситуацией и окружением.

Не только люди становятся жертвами странного поведения других людей, как показало одно дело, расследование которого вел мой коллега Альф Фарагер из лаборатории в Уэтерби. Мужчину доставили в больницу в очень тяжелом состоянии с поврежденной прямой кишкой и перитонитом – врачам в голову не могло прийти, что могло к этому привести. Их поставило в тупик наличие в животе мужчины желеобразного вещества, происхождение которого было им – как и самому мужчине, по его словам, – неизвестно. Ему объяснили, что если не удастся установить происхождение вещества, чтобы назначить соответствующее лечение, больше ничего нельзя будет сделать, и он, скорее всего, умрет. Только после этого пациент признался, что занимался сексом с хряком.

Как оказалось, у хряков острый, похожий по форме на штопор пенис, который идеально совмещается с цервикальным каналом аналогичной формы у свиньи (с левой резьбой, если кому-то нужно обязательно знать все факты). Это и объясняло повреждения, нанесенные прямой кишке мужчины. Кроме того, у хряков выделяется довольно большое количество спермы, для удержания которой в теле самки приходится использовать пробку, – собственно, обнаруженное в животе желеобразное вещество этой спермой и было.

Мужчине повезло, он выжил. Тем не менее, поскольку в Великобритании скотоложство является преступлением, Альфа попросили взять образец «желе» на анализ в качестве вещественного доказательства на случай, если дело дойдет до суда. Все работники нашей большой лаборатории ЭКС в Уэтерби прекрасно ладили друг с другом: здесь царили дружеские отношения. Конечно, мы относились к работе максимально серьезно, но когда Альф поинтересовался, может ли кто-то подсказать, на что следует обратить внимание, ему было, пожалуй, не избежать череды шуточных советов вроде: «На следы копыт на его джемпере!» В итоге коллеге удалось получить положительную реакцию на антитела к сыворотке крови свиньи и подтвердить, что это действительно была сперма хряка.

Основными доказательствами в другом деле, связанном со скотоложством, стали козы волоски и показания свидетелей. В этом случае, однако, никакой загадки не было, так как содеянное имело место в подсобном хозяйстве, расположенном близ железнодорожных путей, на глазах у проходящего на небольшой скорости поезда пассажиров, один из которых дернул стоп-кран.

К тому времени, как я покинула Уэтерби в 1981 году и начала работать в лаборатории ЭКС в Олдермастоне в графстве Беркшир, я думала, что меня уже ничем не удивить. Разуме-

ется, я ошибалась, но не думаю, что меня когда-либо что-то шокировало так сильно, как некоторые из этих первых дел, когда я только постигала, на что способны отдельные люди.

* * *

Ближе к концу моей работы в Уэтерби мы с мужем разошлись. Я была с ним с 14 лет – наверное, мы слишком рано поженились. Тем не менее к тому времени я встретила мужчину, которому предстояло стать моим вторым мужем. Его звали Рассел Стокдейл – он был криминалистом, помогавшим Рону Ауттериджу в поиске Йоркширского потрошителя. Во многом из-за того, что Рассел получил должность руководителя Судебно-биологического отдела Научно-исследовательского центра в Олдермастоне, я решила перебраться работать в лабораторию ЭКС, расположенную по соседству.

Лаборатория в Олдермастоне занималась всей криминалистической работой для полиции графств Хэмпшир, Сюррей, Суссекс, Кент и долины Темзы (куда входят графства Оксфордшир, Бакингемшир и Беркшир). Начав там работать в 1981 году, я сразу же поняла, что здесь все совсем не так, как на севере. Особенно примечательной казалась совершенно иная природа отношений между полицией и криминалистами, которых там вызывали на место преступления лишь в исключительных случаях, когда первая не справлялась. Думаю, отчасти это связано с тем, что на юге на должности оперативных работников, выезжающих на место преступления, нанимали более опытных и квалифицированных сотрудников, чем на севере. В каком-то смысле их большая вовлеченность была плюсом, поскольку они не ограничивались тем, что просто приезжали, делали фотографии, снимали отпечатки пальцев и собирали предметы, которые, по их мнению, могли стать вещественными доказательствами. Проблема была в другом: не зная всех наших возможностей в лаборатории, полицейские порой не запрашивали проведение более подходящих анализов, а то и не предоставляли всю необходимую информацию.

Именно из-за этого пробела в понимании я начала выпускать два раза в год журнал под названием Lab Link⁶. Журнал задумывался для того, чтобы информировать полицию о том, чем именно мы занимаемся в лаборатории, а также рассказать, что нам нужно для максимально эффективной работы. Я не только просила коллег писать статьи для издания, но и призывала самих полицейских задавать вопросы, что они охотно делали.

Другим препятствием, с которым мне пришлось столкнуться в Олдермастоне, стало женоненавистническое отношение со стороны некоторых полицейских, хоть это и не было особо странным в начале 1980-х, но все равно выбивало из колеи. За исключением комментариев Рона Ауттериджа по поводу женщины и раковины на кухне я привыкла к уважительному отношению со стороны полицейских, с которыми работала в Харрогейте и Уэтерби. Прибыв на свое первое место преступления в Суссексе, я была глубоко раздосадована нескрываемым скептицизмом и разочарованием старшего следователя. Впрочем, вскоре он сам стал просить меня посещать места преступлений, которыми занимался, и чуть ли не через силу выражал одобрение, когда я говорила, что приеду. Для меня это стало настоящим переломным моментом: взгляды представителей полиции как на криминалистику, так и на роль женщин в расследовании постепенно расширялись.

⁶ Можно перевести как «Связь с лабораторией» или «Лабораторное звено».

4

Специализации

Криминалистика может затрагивать все, с чем только можно столкнуться в повседневной жизни. Фокус в том, чтобы понять, что имеет наибольшее значение, где и как это лучше всего искать. Основными типами доказательств в криминалистике, применяемыми в наши дни, служат физиологические жидкости и ткани, связанная с ними ДНК, отпечатки пальцев, а также все в большей степени мобильные телефоны, ноутбуки и другие цифровые устройства. Вместе с тем чрезвычайное значение могут иметь и другие типы следов, такие как текстильные волокна от одежды и мебели, волосы, куски стекла и краски, отпечатки обуви и следы от инструментов. **В теории мы можем проанализировать и сравнить любые следы с целью понять, что они могут означать в контексте расследуемого дела.**

На самом деле чрезвычайно сложно сделать в жизни что-либо, не оставляя следов, даже если они лишь косвенные, как, например – в самом простом случае, – при использовании перчаток. Один из самых любопытных принципов, лежащих в основе любого расследования, – принцип обмена Локарда, который можно вкратце сформулировать так: «После любого контакта остается след». Он был впервые сформулирован в 1910 году французским криминологом доктором Эдмондом Локардом, и за годы своей работы я убедилась в том, что это абсолютно верно ВСЕГДА. В каждом деле. Другой вопрос в том, удастся ли найти оставленный след, так как порой он может быть совершенно неочевидным. Таким образом, криминалистам приходится проявлять изобретательность, быть скрупулезными и упорными при проведении расследования.

Не менее важно в любом расследовании взаимодействие людей, специализирующихся на каждом типе улик, которые только могут быть причастны к делу. Возьмем в качестве примера дело о том, как человека ударили молотком по голове. В случае его смерти, что в этой ситуации наиболее вероятно, хоть и не всегда будет так (второй жертве Йоркширского потрошителя, Оливии Смелт, удалось выжить после подобного нападения), тело осматривает судмедэксперт. В ходе вскрытия он измеряет любые отверстия в черепе, которые могут соответствовать размерам обнаруженного молотка. Полиция ищет отпечатки пальцев. Биолог-криминалист исследует следы крови на молотке, любые оставшиеся на нем кусочки кожи и волос, текстильные волокна или следы от перчатки, которые могут быть оставлены на забрызганной кровью ручке. Может быть задействован и химик-криминалист для изучения следов от молотка, оставленных на черепе жертвы, а также любых других отметин на теле в местах нанесения ударов, которые оставили кожу неповрежденной. Наконец, существуют всевозможные виды анализов одежды жертвы и подозреваемого, и, разумеется, специалисты изучат само место преступления.

Очевидно, что разные специализации пересекаются между собой. Проще говоря, химик-криминалист изучает не только следы на теле и других местах, но и специализируется на преступлениях против собственности, как их раньше называли, то есть на противозаконных действиях, связанных со взломом и проникновением, порчей или незаконным использованием транспорта, взрывами, поджогами и т. д. Биолог-криминалист, с другой стороны, главным образом имеет дело с преступлениями против личности (и животных), которые включают всевозможные сексуальные нападения и нападения с применением насилия, начиная от побоев и заканчивая ножевыми ранениями, стрельбой, ударами тяжелыми предметами и похищениями.

Химик-криминалист анализирует такие вещи, как стекло, краска и другие строительные материалы, следы от обуви, автомобильных шин и инструментов, повреждения огнем и любые горючие вещества, которые могли к ним привести, – такие доказательства могут сыграть в деле решающую роль. Так, например, если кто-то вторгнется в дом с помощью ломика, от него на

двери останутся следы, а частички краски с двери попадут на сам инструмент. Если злоумышленник проникнет внутрь через разбитое окно, крошечные осколки стекла останутся у него на рукаве, текстильные волокна с его одежды могут зацепиться за острые края стекла, он может оставить отпечаток подошвы на подоконнике или цветочной клумбе снаружи. Химики разбираются в том, из каких элементов все эти штуки состоят. По крошечному фрагменту стекла они могут определить, было ли оно разбито недавно, был ли это стеклянный контейнер, стакан, бутылка или же листовое стекло, которое вставляют в окна. Они могут сопоставить осколки по показателю преломления и химическому строению; сказать, составляют ли они фрагменты ударопрочного стекла; а по расположению микроскопических вмятин и трещин способны установить, с какой именно стороны стекло было разбито. Также по крошечной частичке краски им под силу определить, отлетела ли она от дома или автомобиля. Для этого они изучают ее состав и структуру слоев.

Есть химики, профиль которых – идентификация наркотических препаратов и подпольных нарколабораторий. Они определяют количество и качество (степень разбавления) любых обнаруженных наркотиков. Так, когда дело касается кустов марихуаны, важное значение имеет урожайность – то есть ожидаемое количество активного вещества под названием тетрагидроканнабинол, которое может дать растение. Эта информация позволяет понять, выращивались ли растения для личного пользования или с целью сбыта. Такие химики сравнивают между собой различные изъятые партии наркотиков и выясняют, поступили ли они из разных источников или из одного. Они тщательно изучают химический состав, анализируя все вещества, которыми разбавляют наркотик, а также любые посторонние примеси, полученные вследствие особенностей процесса его производства. Порой упаковка становится более весомым вещественным доказательством, чем сам наркотик, и именно она помогает связать между собой изъятые партии и установить цепочку поставок. Эксперты могут очень многое узнать по свернутым обрывкам журнальных страниц или пленке, использованной для упаковки, или по отпечаткам пальцев в одноразовых перчатках. Кроме того, они сопоставляют складки и вмятины на полиэтиленовых пакетах, а также поверхностные царапины. Так выясняется, какие из пакетов принадлежат одной партии.

Задача токсиколога – еще одна специализация химика-криминалиста – изучать образцы человеческих тканей и физиологических жидкостей на наличие различных наркотических препаратов и их метаболитов – веществ, в которые они преобразуются после попадания в организм. Поскольку одни метаболиты существуют недолго, в то время как другие дольше выводятся из организма или распадаются на вещества, токсиколог может узнать, когда именно был употреблен наркотик. Умея правильно интерпретировать результаты токсикологического исследования в рамках обстоятельств конкретного дела, эксперты могут установить, оказало ли наркотическое вещество влияние на какие-то другие обстоятельства, а также в какой мере лица, замешанные в этом деле, были подвержены его воздействию.

Существуют еще биологи-криминалисты вроде меня, занимающиеся идентификацией крови и других физиологических жидкостей и анализом их следов, что может оказать значительную помощь в установлении последовательности событий в ходе нападения. Также биологи отвечают за определение группы крови, а теперь и за составление ДНК-профиля, который дает куда более точный результат. Изучают любые биологические следы, такие как фрагменты кожи, ногтей, зубов, волос и текстильных волокон, хотя некоторыми из них, в особенности синтетическими, зачастую занимаются химики либо же, что все чаще наблюдается в последнее время, узкоспециализированные эксперты по текстильным волокнам. Биологи изучают и любые повреждения – на одежде и, например, орудии преступления – и играют главную роль в толковании произошедшего на месте преступления. Поэтому именно биологи-криминалисты зачастую занимаются составлением общей картины на основе всех имеющихся научных доказательств по делу.

В наши дни в расследованиях участвуют и другие категории ученых. Так, например, зародилась совершенно новая отрасль цифровой криминалистики, касающейся современного образа жизни и всей информации, которую люди хранят на мобильных устройствах и персональных компьютерах. Что касается телефонов, то специалисты по цифровой криминалистике определяют, основываясь на номере мобильного телефона, кто с кем и когда разговаривал, а также примерное местоположение людей в этот момент. Также они могут узнать, на какие сайты заходил человек, получить информацию обо всех заказанных онлайн товарах и полную историю их действий в Сети. Они изучают и записи с камер видеонаблюдения, которые теперь обеспечивают настолько большое покрытие, что часто удается найти что-то, что связано с конкретным преступлением.

Есть в криминалистике и специалисты, к которым мы обращаемся лишь в определенных ситуациях. Так, энтомологи-криминалисты, знающие все или почти все о насекомых, могут оказать огромную помощь в расследовании. Довольно долгое время после смерти человека мух привлекает запах его разлагающегося тела. А если труп находится на улице и в свободном доступе, они прибывают в определенной очередности, отражающей стадии разложения. Таким образом, изучив стадии развития определенных типов насекомых, личинок или яиц, обнаруженных на трупе, можно оценить, сколько времени прошло с момента смерти. Еще энтомолог-криминалист может установить по присутствующим в теле видам насекомых, перемещали ли его после смерти.

Другие примеры менее распространенных специализаций криминалистов вы увидите далее в этой книге в рамках конкретных дел.

5

Кровь: определение группы, идентификация и анализ следов

Когда я начала работать в ЭКС, значительное пространство в криминалистических лабораториях было отдано отделам химии. На сегодняшний же день основное внимание уделяется биологии, и все благодаря появлению ДНК-экспертизы, которая впервые использовалась в деле в середине 1980-х. В те дни, когда мы полагались на определение группы крови, у нас было на порядок меньше возможностей узнать, кому именно принадлежали физиологические жидкости, обнаруженные на месте преступления или на каком-то важном вещественном доказательстве, нежели сейчас, когда существует ДНК-экспертиза. В результате мы всегда с максимальной осторожностью интерпретировали любые полученные данные и делали на их основе какие-либо заключения.

Так, криминалист мог заявить в суде, что кровь с одежды подозреваемого встречается у каждого 25-го жителя Великобритании (то есть у 4 % всего населения) и соответствует крови жертвы, но при этом не совпадает с собственной кровью подозреваемого. Проблема заключалась в том, что присяжные могли уделить больше внимания слову «соответствует», чем приведенной статистике. В результате, если четко и ясно не объяснялось, что значит «у каждого 25-го», я уверена, что как минимум на часть присяжных эта информация оказывала больше влияния, чем должна была. На деле слова криминалиста всего лишь значили, что в городе с населением 200 000 человек найдется примерно 8000, которым теоретически могла бы принадлежать обнаруженная на одежде кровь. Таким образом, были необходимы другие доказательства того, что обвиняемый находился в назначенное время в указанном месте.

Кровь делится на группы на основании присутствующих в ней различных химических веществ, которые могут быть представлены в разных формах, и классифицируется в соответствии с тем, в какой именно форме (формах) в ней содержится каждое из них. Такая классификация называется системой групп крови. Самая старая – система АВ0, в соответствии с которой у каждого человека имеется одна из четырех групп крови – 0, А, В или АВ, они же первая, вторая, третья и четвертая соответственно, определяемые в зависимости от наличия тех или иных генетически задаваемых антигенов. Среди множества других систем групп крови, имеющих в распоряжении криминалистов, в 1970-х и 1980-х годах чаще всего использовались системы PGM (фосфоглюкомутаза), EAP (кислая фосфатаза эритроцитов) и Hp (гаптоглобин).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.